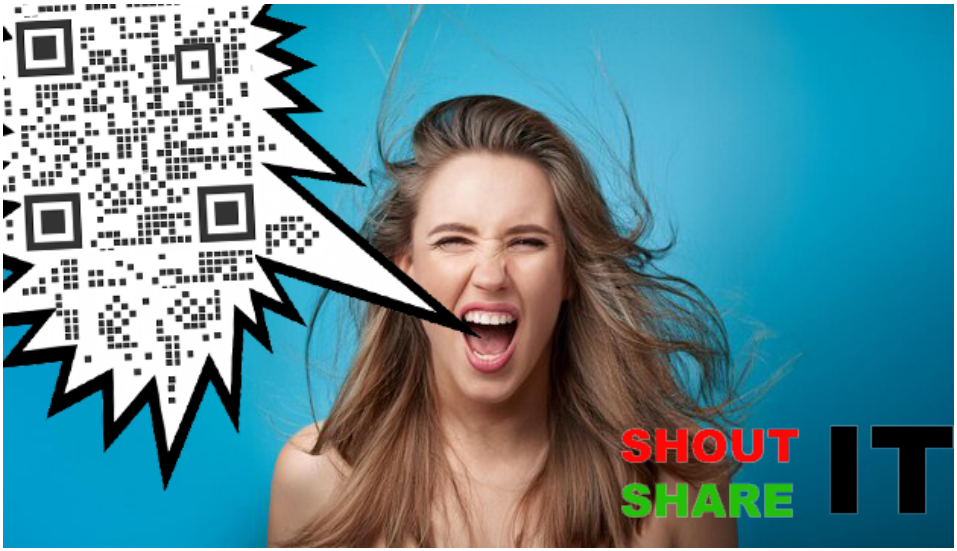
ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

10

2015


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нереализованный замысел рассказа по житейскому случаю, совпавшему с сюжетом повести Распутина «Деньги для Марии».

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«ДОЧА, ПОГОДИ!..»

Недавно перебирал старые бумаги. Попалась мне на глаза толстая тетрадь, из тех, что прежде назывались «общими»: в них много страниц. На обложке запись: «Для рассказов». В эту тетрадь я когда-то коротко записывал интересные, на мой взгляд, житейские случаи, на основе которых можно рассказ написать. Что-то пригодилось, а что-то так и осталось короткой записью.

И вот попалась на глаза эта тетрадь. Начал ее проглядывать, вспоминая годы теперь уже давние. На одной из страниц задержался. Там лишь одна строчка: «Тарасов: „Доча, погоди… Погоди, доча!!“».

Тарасов… Разве забудешь его… Казачина могучий… Работяга. Тракторист. Давно умер. А в рассказах написанных он остался. Имена да фамилии прототипов всегда я меняю. Потому что одно дело — жизнь, а другое — рассказ ли, повесть. Это уже литература. Но Тарасова по-другому назвать рука не поднялась. Понимал, что — надо. Но не мог. Казалось, он сразу поблекнет, уйдет. Будет не то. Так и оставил его Тарасовым, написав о нем, кажется, два рассказа.

А вот этот сюжет остался строчкой в тетради: «Доча, погоди!..» Хотя в то время рассказ мне ясно виделся, можно было писать. Но…

В те же далекие времена уже знал я повесть Валентина Распутина «Деньги для Марии». Простой сюжет. У продавца сельского магазина Марии обнаружили денежную недостачу. Как говорится, проторговалась.

Недостача обнаружена, надо ее «погасить», то есть деньги внести. А сумма для сельского жителя тех времен немалая. Но не вернешь деньги, значит будет суд и тюрьма. Дети останутся сиротами. Так было в те годы.

Вот и идет Мария по людям, по знакомым, от двора к двору. И везде — отказ. Жили небогато. И не все понимают чужую беду. Тем более — продавщица. Вполне возможно, украла, а теперь вот ходит.

Повесть горькая. Написана хорошо. Помню последние строки ее: «Молись, Мария…» Это от автора, когда Мария переступает порог последнего дома, прося о помощи. Последний дом, последняя, теперь уже слабая, надежда. И потому: «Молись, Мария…»

Длинное отступление, но нужное. Возвращаюсь к своей

тетрадке, где короткая запись: «Тарасов: „Доча, погоди!..“».

История сельская, похожая на распутинскую: прошлый век, семидесятые годы. На хутор Клеймёновский в тамошний магазин прислали новую молоденькую продавщицу. Она окончила в райцентре «курсы продавцов» — было такое учебное заведение.

Полгода проработала, не больше. И проторговалась. Приехала проверка и обнаружила недостачу, товара ли, выручки за него. Словом, нужно эту недостачу покрыть деньгами, не медля. Иначе — уголовное дело.

А у девочки-продавщицы какие деньги? Мать у нее — уборщица, отца нет. И, конечно же, любому ясно, что обманули ее в райцентре, на базе, при получении товара. То ли недоглядела, то ли накладную не ту подписала.

Молодая девчушка, тихая. Вот и получилось…

Хуторской народ все понял сразу:

— Обчичекали… И думать нечего. Тама такие ащаулы сидят, абманаты… За ними — в четыре глаза не углядишь. А она, дите-дитем… Тихая вода… Какой из нее торгаш. Вот и обчичекали.

Понять-то люди поняли, но продавщице разве от этого легче? Магазин опечатан. Недостачу надо покрыть за неделю. Родных нет. Мамка лишь плачет.

И пошла продавщица по хутору, простодушно прося:

— Помогите… Я верну… Я буду работать… Я дам расписку и все верну… Обязательно… Господом Богом клянусь…

С такой вот нехитрой песней, от дома к дому. Не все, но верили и давали деньги. Хотя жилось тогда непросто. Но сироту жалели, беде сострадая. Как говорится, от сумы да тюрьмы… А девушка-то молодая, славная. Полгода на хуторе пробыла, но худого о ней никто не сказал. Дитя-дитем, и в тюрьму? Как не помочь? Посильно, хотя бы малой копейкой.

Так она и шла, от двора ко двору, прося, обещая: «Я буду работать… Я отдам… Господом Богом клянусь…»

Нужную сумму молодая продавщица собрала. Может, еще и в райцентре соседи помогли? До суда дело не дошло.

В магазине стала торговать своя хуторская бой-баба. Но это уже другая история.

О молодой продавщице скоро забыли, но долго помнили из этой истории тарасовское: «Доча, погоди!..»

К Тарасовым девушка за деньгами тоже приходила. По хуторским меркам Тарасовы жили богато: скотина, птица, большой огород. Хозяин — трудяга, лучший тракторист. Но зарплаты — колхозные, копеечные. Денег всегда внатяг. Тем более что сын — в городе, в институте учится, а дочка — в райцентровском техникуме. Но как девчушке откажешь? Голосок

тоненький. «Господом Богом клянусь…» А в глазах — слезы.

Что-то набрали, вытаскивая, наверное, и вправду последнее из кошельков да гаманков. Не меньше других наскребли.

Но когда девушка, деньги приняв, поблагодарила и ушла, Тарасов вдруг спохватился:

— Рая! Да у нас еще за зеркалом полсотня лежит! Забыли!

Он достал деньги и заспешил: в коридор, а потом — на крыльцо, с криком:

— Доча, погоди!.. Погоди, доча!!

Тарасов — мужик тушистый, не меньше центнера весом. Заторопясь, он на пороге споткнулся и рухнул, слава богу, что не вниз по ступеням высокого крыльца, а на крепкие, дубовые перила, которые хрупнули, но удержали хозяина.

— Доча, погоди… — просипел Тарасов, пополам сгибаясь от боли.

Девушка его услышала, вернулась, взяла деньги. А Тарасов так и остался на крыльце, отдыхивался и никак не мог продышаться. Спасибо, жена Раиса вышла и помогла ему, утянула в дом. А потом долго его лечила. Своими средствами, укоряя: «Вот тебе и „доча, погоди“. Помчался, молоденький…»

В районную больницу Тарасов, конечно, не поехал. И на работу ходил. Но в кабину трактора влезал с трудом, стоная и охая. Ему помогали.

Но еще долго вспоминали, повторяя то, что жена его Раиса по всему хутору разнесла: «Доча, погоди! Погоди, доча!..»

Люди подсмеивались, но по-доброму. Тарасова уважали.

Теперь все это в далекой дали.

В тетради — несколько строк. Сюжет не исполненный. Рассказ не написан. Потому что в ту пору в кругах литературных это могло показаться каким-то нарочитым, нарочно придуманным вызовом распутинской повести.

Хотя все это было: житейский случай, хутор Клейменовский, края донские.